

«Утверждаю»
Директор ФГБУН
Институт славяноведения РАН
доктор исторических наук
К. В. Никифоров

Никифоров
2023 г.

Отзыв

ведущей организации — Института славяноведения РАН
на диссертацию Моругиной Ксении Сергеевны
«Житие св. Панкратия Таорминского
(по рукописи ГИМ Син. греч. 15, 1022/3 г.)
как исторический источник» (Москва, 2023), представленную на
соискание ученой степени кандидата исторических наук по
специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертационная работа Ксении Сергеевны Моругиной посвящена изучению с источниковедческих позиций памятника византийской агиографии, повествующего о деяниях жившего в I веке н.э. святого Панкратия — первого епископа города Таормина (или Тавромения), расположенного на острове Сицилия близ горы Этна. Св. Панкратий почитается как в западной, так и в восточнохристианской традициях как свидетель земной жизни Иисуса Христа, ученик апостола Петра, святитель и священномученик. Его греческое житие, написанное от лица служителя и ученика Панкратия Евагрия, представляет собой объемный и сложный в текстологическом отношении историко-литературный памятник, содержание которого отражает многообразные аспекты социально-политического взаимодействия Церкви в лице ее иерарха с государством и обществом. Кроме сведений по истории Церкви, Житие насыщено многими фактографическими подробностями, относящимися к истории

Византии и Южной Италии, а также региональной истории Сицилии и локальной истории города Таормины. В этом отношении оно содержит комплекс уникальных сведений, которых не передают другие источники. На языке оригинала Житие св. Панкратия известно как минимум в трех разных редакциях. Кроме того, оно оказало определенное влияние на агиографию других христианских народов: в эпоху Средневековья греческий текст был переведен на грузинский и славянский языки. Старшая рукопись грузинского перевода Жития св. Панкратия датируется 1066 г.; славянский же перевод, вероятно, был осуществлен в X/XI в., рукопись этого перевода фигурирует среди так называемых «русских» книг в описи имущества монастыря Ксилургу на горе Афон, датированной 1143 г.

В связи с этим не подлежит сомнению, что памятник имеет общекультурное значение. Однако несмотря на важность греческого Жития св. Панкратия Таорминского для исторической науки, в источниковедческом отношении его списки и редакции до сих пор оставались изученными далеко не достаточно, а многие вопросы, связанные с обстоятельствами создания и судьбой памятника, пока не получили удовлетворительного разрешения. Это касается различных аспектов исследования, включая вопросы о точной датировке и месте создания Жития, выявления его источников и обстоятельств истории редактирования, а также соотнесения легендарных и исторических фактов в различных редакциях греческого текста. Поэтому необходимость углубленного источниковедческого изучения историко-литературного памятника обуславливает актуальность темы диссертационного исследования К.С. Моругиной.

До работы диссертантки к частным аспектам исследований Жития св. Панкратия ученые обращались еще с XIX в., начиная с работ епископа Порфирия (Успенского) и Александра Николаевича Веселовского, однако ни тогда, ни в последующих работах византинистов XX в. памятник комплексно не изучался. Значимое продвижение в этом направлении произошло только с середины 1980-х гг. благодаря трудам оксфордской

исследовательницы Синтии Джейн Столлман-Пачитти, работавшей с несколькими греческими списками Жития из различных европейских собраний, и опубликовавшей только одну выделенную ею первую редакцию Жития из трех (монография Столлман-Пачитти издана посмертно в 2018 г.).

В связи с этим нельзя не отметить новизну исследовательского ракурса работы К.С. Моругиной: подробно изучив историографию вопроса, диссертантка помещает в центр внимания вторую, оставшуюся до сих пор вне внимания большинства исследователей, редакцию греческого Жития св. Панкратия. Эта редакция, важная для истории традиции памятника, теперь обстоятельно проанализирована К.С. Моругиной по рукописи, созданной в 1022/3 г. в Ивирском монастыре на Афоне каллиграфом Феофаном Ивиритом, одним из сподвижников основателей обители, и ныне хранящейся в Синодальном собрании Государственного исторического музея в Москве. Текст Жития в этой рукописи, до работы диссертантки не публиковавшийся, насчитывает более 100 листов.

В целом исследовательская часть диссертации состоит из трех глав. В первой из них автор приводит развернутую характеристику источников Жития св. Панкратия, многие из которых установлены ею впервые, во второй — анализирует исторические реалии, отраженные в памятнике, а в третьей главе изучает текстологическое соотношение первой и второй редакций Жития. Завершается работа, как и полагается, заключением, списком источников и литературы, а в конце диссертации помещено объемное Приложение, состоящее из двух частей. Кроме выполненного источниковедческого исследования, в ходе которого диссертантка выявила характерные отличия второй редакции от ранее известной первой, в этом Приложении к диссертации К.С. Моругина опубликовала греческий текст Жития св. Панкратия второй редакции по рукописи ГИМ. Син. греч. 15., сопроводив публикацию своим переводом на русский язык. Такой масштабный труд, требующий незаурядной филологической

квалификации, определил не вполне ординарный, но оправданный целью исследования объем диссертационной работы: 444 страницы, из которых 114 приходятся на греческий текст Жития и еще 120 — на русский перевод.

План исследования подразумевал решение целого ряда научных задач, поставленных в работе К.С. Моругиной. Среди них важное место занимали задачи выделения в тексте Жития «пластов разновременных исторических реалий» и «изучение особенностей работы автора/редактора с источниками текста как с точки зрения литературных приемов, так и конструирования картины прошлого» (с. 10), обусловленные характером изучаемого памятника.

По нашему мнению, диссертантке удалось блестяще решить их и наметить перспективы будущих исследований многих частных вопросов, касающихся взаимосвязей разнообразных источников греческого Жития св. Панкратия. Тем самым К.С. Моругина существенно пополнила данные предшествующей историографии по теме (Глава 1, §2). Исследовательница выделила несколько категорий названных источников: непосредственные цитаты из Ветхого и Нового Завета, не прямые цитаты из Нового Завета, Псалтири, памятников гимнографии и учительной литературы. Также исследовательницей выявлены сюжеты в памятниках разных жанров, имеющие параллели с агнографическим сочинением о жизни и деяниях св. Панкратия.

Как выяснила диссертантка, автор Жития использовал в качестве источников ряд произведений позднеантичных и раннесредневековых авторов на латинском и греческом языках. Особенно это касается входящей в состав Жития Легенды о Тавре и Мении — основателях современной Таормины, где св. Панкратий был епископом. К.С. Моругина выявила факты использования в Легенде произведений древнегреческих и римских историков, и пришла к правомерному выводу о том, что эвристический потенциал Легенды как исторического источника требует пересмотра: по мнению диссертантки, в Легенде следует усматривать

литературный памятник политической направленности. Как теперь установлено К.С. Моругиной, к источникам, использованным составителем Жития св. Панкратия, относились классический любовно-приключенческий роман второго века н.э. Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт»; автобиографические сочинения Григория Назианзина; сборник биографий римских императоров «Жизнеописания Августов», где в жизнеописаниях двух Марков Аврелиев — Антонина Гелиогабала и Александра Севера — исследовательница обнаружила интересные параллели с Житием св. Панкратия. Также, как показано в работе, агиограф пользовался сочинениями Фукидида, Диодора Сицилийского, Плиния Старшего, Страбона, Аппиана. Следует согласиться с К.С. Моругиной в том, что при создании текста Жития св. Панкратия агиограф привлекал сочинения свт. Григория Богослова, стремясь создать образ епископа Таормины как идеального пастыря и ориентировался на образ одного из Великих каппадокийцев (стр. 53). Большой интерес в ряду этих находок представляют обнаруженные диссертанткой в Житии св. Панкратия параллели с сирийской версией «Деяний ап. Иоанна» — «Истории Иоханнана апостола, сына Зеведеева». Однако нужно поддержать осторожность К.С. Моругиной, отмечающей в работе, что эти наблюдения носят предварительный характер (стр. 55-56), поскольку исследовательница пользовалась не сирийским оригиналом, а русским переводом Е. Н. Мещерской. Также примечательно наблюдение диссертантки, сделанное ею в результате анализа событийно-хронологической канвы Жития, о том, что внутренняя хронология Жития св. Панкратия находит соответствие в других источниках, таких как описание ранней истории Антиохийской Церкви в Хронике Иоанна Малалы, причем Житие не повторяет Хронику. Обнаруженные К.С. Моругиной источники текста Жития дают новый материал о круге чтения агиографа, его исторической образованности, приемах работы и уровне литературного мастерства.

Все эти ценные наблюдения изложены убедительно, подкреплены данными скрупулезной работы автора диссертации с источниками и научной литературой, включая аккуратные текстологические сопоставления. Они свидетельствуют о широкой историко-филологической эрудиции Ксении Сергеевны Моругиной, использовавшей в работе библиографию на семи языках, не считая русского (стр. 190-207). Несомненно, что благодаря анализу, представленному в диссертационной работе, теперь произошло существенное приращение новых научных знаний об источниках текста Жития св. Панкратия Таорминского.

Переходя к характеристике глав работы, отметим, что начало первой Главы могло бы вызвать у читателя сомнения в логичности внутренней структуры изложения, которой придерживается К.С. Моругина: анализ источников текста Жития и последовавшее в ходе этого анализа выявление конкретных произведений диссертантка приводит раньше (Глава 1, §2), чем описывает материальный носитель исторической информации — рукопись второй редакции ГИМ. Син. греч. 15 (Глава 1, §3), которая собственно и составляет объект ее исследования. Однако все же такая композиция главы оправдана, поскольку выявление ряда новых источников Жития К.С. Моругиной удалось осуществить на основе текста первой редакции, ранее опубликованной в вышеупомянутой монографии Столлман-Пачитти. Тем самым диссертантка подводит читателя к изучаемой ею рукописи, уже сполна снабдив его новооткрытыми сведениями об источниках историко-литературного памятника. Поэтому далее (Глава 1, §3), следуя работам Бориса Львовича Фонкича, автор на основании кодикологических и палеографических методов подробно анализирует рукопись ГИМ. Син. греч. 15, созданную в афонском Ивирском монастыре, и затем оценивает ее значение для рукописной традиции Жития св. Панкратия. Здесь особенного интереса заслуживают замечания диссертантки о возможной связи появления грузинского перевода Жития, выполненного Евфимием Святогорцем, с историей

изучаемой греческой рукописи: К.С. Моругина обоснованно полагает, что «прототип Жития» (точнее было бы сказать — протограф), с которого Евфимий делал грузинский перевод, а писец Феофан готовил манускрипт Син. греч. 15, находился в Ивирском монастыре в начале XI в. При этом вероятной заказчицей перевода Жития св. Панкратия на грузинский язык была царица Мариам — дочь последнего правителя армянского Васпураканского царства Сенекерима Арцруни и мать царя Баграта IV Куропалата. Основания для части этих выводов были намечены еще работой Б.Л. Фонкича о переводческой деятельности Евфимия и кодексах Ивирского монастыря, атрибутированных ученым перу Феофана («Палестинский сборник», вып. 19/82, 1969; переиздана в монографии 2014 г.). Однако диссертантка идет дальше, и в этой части ее наблюдения представляются нам новыми и весьма ценными.

В Главе 2 важные выводы сделаны диссертанткой в результате решения задачи структурирования и характеристики исторической информации, содержащейся в Житии. Исследовательница выделила в нем три «пласта» исторической информации: древнейший античный; затем позднеантичный, отразивший исторические реалии от середины II до V века, и третий — средневековый «пласт» информации, хронологические рамки которого диссертантка определяет в пределах от VI/VII до XI вв. (стр. 13), полагая при этом, что «приблизительно в конце VII – начале VIII вв. была создана рукопись-прототип, на основе которой в дальнейшем возникли три редакции» Жития св. Панкратия (стр. 127). Как убедительно заключает автор диссертации, Житие св. Панкратия представляет собой «идеологически направленное произведение церковной литературы», облеченное в беллетристическую форму (стр. 128), и вместе с тем это «сложносоставный памятник, переживший в ходе своей многовековой истории неоднократное редактирование» (стр. 186). К.С. Моругина показывает, что агнограф был высокообразованным клириком, и для его метода работы с источниками характерна не компиляция, а «глубокая переработка сюжетов» (стр. 164). Здесь же исследовательница

демонстрирует, каким образом хронологические неувязки в тексте оказываются следствиями идеологических установок автора Жития, который стремился утвердить в сознании своих читателей, что Тавроменийскую кафедру основал сам апостол Петр, и потому св. Панкратий и его преемник Евагрий были поставлены епископами Таормины именно апостолом (стр. 150-155). Хронологическое членение информационных пластов неоднократно обсуждается и обосновывается многими примерами на страницах диссертации (стр. 92-149), и оно же служит автору опорой для анализа текстологических соотношений между первой и второй редакциями в третьей, заключительной Главе работы.

В этой Главе диссертантка обсуждает проблему редактирования, которой подвергся греческий текст Жития, рассматривает вопросы о появлении в нем пласта с реалиями VII-VIII вв. в контексте политики иконоборцев, прослеживает логику трансформации текста в процессе возникновения и эволюции редакций и переводов X-XIII вв., анализирует связь редакций Жития с другими письменными и изобразительными свидетельствами почитания св. Панкратия (гимнографической, синаксарной и иконографической традициями). Особо отметим, что в третьей Главе важные источниковедческие наблюдения над византийскими рукописями, передающими разные редакции текста Жития, сопровождает тонкий лингвотекстологический анализ греческого текста. В итоге К.С. Моругина убедительно демонстрирует, что первая и вторая редакции заметно различаются по структуре и стилю изложения, и они были созданы в разное время и в разных кругах греческих интеллектуалов.

Таким образом, в результате рассмотрения диссертации К.С. Моругиной мы имеем все основания дать этой работе высокую положительную оценку как в целом, так и по отдельным критериям, включая значимость и актуальность темы, полноту учета источников и историографии, использование методов исторических и источниковедческих исследований (в том числе методов палеографии и

лингвотекстологического анализа), а также умение их применять, обоснованность научных положений и выводов, их новизну, достоверность и ценность результатов работы для соответствующих направлений развития исторической науки.

Однако поскольку почти любой научный труд, тем более столь сложный и объемный, как диссертация К.С. Моругиной, не может быть совершенно свободен от недочетов, отметим некоторые аспекты работы, которые могли бы подлежать коррективам и уточнениям. Ниже мы опускаем указания на несколько мелких технических опечаток (вроде повтора фразы при цитировании статьи С.А. Иванова на стр. 40, прим. 77).

1. В Главе 2 «Исторические реалии в Житии св. Панкратия» (§1, стр. 113-114) при кратком критическом разборе некоторых положений статьи Юваля Ротмана «Christians, Jews and Muslims in Byzantine Italy» случайно пропущена ссылка на саму эту статью (учтенную, однако, в списке литературы: №91, стр. 197). В этом небольшом разделе диссертантка напрасно, по нашему мнению, проходит мимо указанной Ротманом параллели в житиях св. Панкратия и св. Льва Катанского: по выражению этого исследователя, Житие Панкратия оказывается «иконоборческим зеркалом» Жития Льва (op. cit., p. 226), что заслуживает специального комментария. В развитие мысли Ротмана можно также указать общий для этих двух житий топос — огонь, — который в одном агиографическом памятнике регулярно сопровождает явления и деяния св. Панкратия, устрашая и демонов, и окружающих, а в другом — тоже выполняет функцию устрашения и одновременно очищения от зла, когда Лев Катанский прилюдно восходит на костер для казни мага Илиодора.

2. Вызывает сожаление, что в третьей Главе диссертантка лишь очень бегло касается вопроса о взаимосвязи редакций греческого текста Жития св. Панкратия и его славянского перевода, опираясь при этом на работы болгарского исследователя Явора Милтенова и сербской исследовательницы Зорицы Витич. Славянский перевод Жития известен по трем спискам, причем все они находятся в российских хранилищах

(Российская национальная библиотека, Q.п.І.33 (втор. пол. XIII в.); Государственный исторический музей, Син. 82 (третья четв. XIV в.) и Воскр. 124 (втор. пол. XVII в.)). При этом две старшие рукописи — сербские; они тоже, как и изучаемый в диссертации греческий манускрипт, связаны с монастырскими обителями Афона происхождением и многовековым бытованием. В исследованиях Милтенова и Витич, выполненных около 10 лет назад, с опорой на мнение Столлман-Пачитти было высказано суждение, что славянский перевод Жития св. Панкратия восходит к первой греческой редакции. Тем не менее разночтения в славянском переводе и старших сербских рукописях могут указывать на некогда существовавшую и недошедшую до нас греческую редакцию, занимавшую промежуточное положение между первой и второй. Понятно, что в задачи исследования К.С. Моругиной не входило установление источника славянского перевода. Однако теперь, на наш взгляд, благодаря введенной диссертанткой в научный оборот второй греческой редакции мнение исследователей о происхождении славянского перевода подлежит критическому пересмотру, а вопрос о промежуточной греческой редакции нуждается в проверке и дальнейшем изучении. Было бы целесообразно привести в диссертации хотя бы гипотетические соображения, касающиеся этих аспектов исследования, тем более что вопрос об исторических обстоятельствах появления славянского перевода освещен К.С. Моругиной куда менее подробно по сравнению с судьбой перевода на древнегрузинский язык.

3. В Приложении к диссертации, где автор публикует тексты греческого Жития св. Панкратия по второй редакции и его русского перевода, следовало бы предварительно привести пояснения археографических принципов издания и особенностей передачи греческого текста. Издание греческого памятника сопровождается лишь несколькими конъектурами (странно, что при наборе большого и сложного текста по рукописи XI в. удалось обойтись только ими), которые было бы правильно поместить не в основном тексте, а в подстрочных

примечаниях, как обычно принято в практике эдиционной археографии. То же касается сделанных диссертанткой указаний на параллельные места из книг Ветхого и Нового Завета, которые сопровождают только русский перевод Жития, и тем самым могут вызвать у неподготовленного читателя впечатление, что эти указания принадлежат агиографу, а не исследовательнице.

4. Русский перевод Жития, осуществленный К.С. Моругиной, обладает несомненными литературными достоинствами, однако представляется, что напрасно в ряде случаев без каких-либо оговорок принята лексика Синодального перевода Библии. Кроме того, некоторые самостоятельные фразеологические решения диссертантки нуждаются в пересмотре. Приведем несколько не вполне удачных выражений: «...он построил церковь, которую освятил, передав епископу изложенный на папирусе церковный устав» (стр. 326), «Затем говорит епископу: “Принеси мне книгу рукоположения и интронизации”» (стр. 327); «будь кроток и учителец по отношению к духовенству и служителям церкви» (там же), «когда люди снова размножились на земле, они начали искать свой прежний путь и использовать изучение искажений узлов» (стр. 333). С другой стороны, поскольку автор переводит текст исторического источника на русский язык, малоуместными оказываются церковнославянизмы, призванные, по-видимому, архаизировать текст перевода (например: «иже причастился он божественного и блаженного обновления» (стр. 324), «чтобы обузданы были языки иже с ним нечистых духов» (стр. 357), и т.п.). Если диссертантка намеревается в будущем публиковать свой перевод в научной печати, то он явно потребует внимания редактора.

Приведенные выше замечания не умаляют научной значимости, оригинальности диссертационной работы и ее научной новизны, которые заключаются в существенном приращении исторических знаний об источниках текста Жития св. Панкратия Таорминского, отраженных в нем разновременных исторических реалиях, об эрудиции агиографа. Еще раз

отметим, что к этой же категории достоинств работы К.С. Моругиной относятся впервые осуществленное ею введение в научный оборот текста второй редакции по рукописи ГИМ Син. греч. 15, подробное кодикологическое и палеографическое описание и исследование рукописи, а также перевод на русский язык текста второй редакции памятника. В целом перед нами высокопрофессиональное и кропотливое исследование. Все названные достижения, несомненно, открывают возможности практического использования результатов диссертации в смежных областях гуманитарного знания.

С содержательной стороны диссертация К.С. Моругиной соответствует научной специальности 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования», отвечая обозначенным в паспорте специальности ВАК направлениям исследований «Историческая память человечества. Общее и особенное в развитии научного и обыденного исторического знания и исторических представлений» и «Теория, история и методы источниковедческого исследования. Источники по отечественной и зарубежной истории».

Положения, выносимые на защиту, находят непосредственное обоснование в диссертации, соответствуют целям и задачам исследования, подтверждаются изложенными в работе данными. Полученные автором научные выводы новы и в основном убедительно аргументированы.

Основное содержание диссертации отражено в 10 печатных работах, четыре из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат достаточно полно, верно и корректно отражает содержание диссертации.

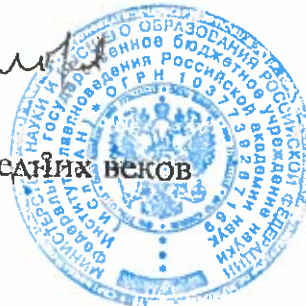
Можно констатировать, что диссертация Ксении Сергеевны Моругиной «Житие св. Панкратия Таорминского (по рукописи ГИМ Син. Греч. 15, 1022/3 г.) как исторический источник» является законченной научно-квалификационной работой и представляет собой самостоятельное, целостное и оригинальное историческое исследование, в полной мере соответствующее критериям «Положения о

присуждении ученых степеней» (в том числе пп. 9-14), утвержденного постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г. (с изменениями и дополнениями 2016-2023 гг.), и требованиям, предъявляемым ВАК Министерства науки и высшего образования РФ к работам на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», а ее автор безусловно заслуживает присуждения искомой степени.

Отзыв ведущей организации подготовлен научным сотрудником Института славяноведения (ИСл) РАН, ученым секретарем Отдела истории средних веков, кандидатом исторических наук Дмитрием Георгиевичем Полонским, обсужден и единогласно утвержден на заседании Отдела истории средних веков ИСл РАН (протокол №12 от 19.09.2023 г.).

Заведующий отделом истории средних веков
Института славяноведения РАН,
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН

Б. Н. Флора

Б. Н. Флора

Ученый секретарь отдела истории средних веков
Института славяноведения РАН,
кандидат исторических наук

Д. Г. Полонский

Д. Г. Полонский

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: 119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Электронная почта: inslav@inslav.ru
Телефон: (495) 938-17-80 (секретариат)
Адрес официального сайта в сети Интернет: <https://inslav.ru/>

Подписи Б. Н. Флора и Д. Г. Полонского удостоверяю

ВЕРНО:

Заведующая кадрами

Людмила Стуренная

26 сентября 2023 г.